

М.А. АЛЕКСАНДРОВА

*(Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь)*

УДК 821.161.1-1(ГубановЛ.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,445

ЖАНР ПОЭТИЧЕСКОЙ МОЛИТВЫ В ЛИРИКЕ Л. ГУБАНОВА (1946 – 1983)

Аннотация. В настоящей статье рассматривается поэтическое наследие Л. Губанова, одного из лидеров советского поэтического андеграунда. Целью исследования является специфика жанрового мышления поэта. На примере жанра поэтической молитвы исследуется освоение поэтом различных семантических и коммуникативных возможностей данного жанра. Рассматриваются лирические тексты, представляющие собой творческое переосмысление канона сакрального жанра. Молитвенное слово у Л. Губанова часто связано с проблемой творчества. В поэзии Л. Губанова данная проблема занимает центральное место. С одной стороны, творческий процесс понимается поэтом как оправдание жизни человека перед Богом. С другой стороны, творческий процесс – это общение человека с Творцом на равных. В рамках статьи выделяются и анализируются две группы стихотворений Л. Губанова, имеющих в своем содержании молитвенную проблематику: собственно поэтические молитвы и тексты, являющиеся «словом о молитве». Тексты первой группы наиболее близки к религиозному канону по своим структурным и функциональным особенностям. Стихотворения второй группы интересны тем, что в них поэт описывает свой духовный опыт сакрального богообщения в процессе создания поэтического текста. Анализ текстов поэтических молитв Л. Губанова иллюстрирует тяготение поэта к синтезу различных жанровых форм. Характер синтеза прослеживается на тематическом и композиционном уровнях. Включенность в структуру других жанровых образований (философской элегии, думы, лирической исповеди и др.) элементов молитвотворчества создают уникальную модель эстетического переживания ситуации богообщения, в которой поэт актуализирует свои духовные и нравственные поиски. Анализ синтеза жанровых форм позволяет в конечном итоге выявить идейно-художественное своеобразие творчества поэта в целом.

Ключевые слова: Л. Губанов, лирика, жанр, жанровый синтез, поэтическая молитва

Творчество Л. Губанова (1946–1983), одного из ярчайших представителей поэтического андеграунда советской эпохи, стало изучаться сравнительно недавно. Этим обуславливается важность изучения творческого наследия Л. Губанова, в том числе и с точки зрения жанрового своеобразия лирики поэта.

Нас интересуют используемые автором жанровые формы как одно из средств раскрытия образа лирического героя, с одной стороны, а с другой, как выявление идейно-художественного своеобразия творчества поэта в целом.

В этой связи, на наш взгляд, особый интерес представляет жанр поэтической молитвы, встречающийся у Л. Губанова не часто, тем не менее, играющий заметную роль в творчестве поэта.

В современном литературоведении жанр поэтической молитвы, несмотря на интерес исследователей к данной проблеме, остается малоизученным явлением. Тем не менее, изучение жанра стихотворной молитвы позволит не только понять специфику данного феномена, но и открыть новые аспекты как в изучении творчества Л. Губанова, так и историко-литературного процесса второй половины XX века в целом.

Истоки зарождения жанра стихотворной молитвы следует искать в фольклорной традиции и литературе XVII–XVIII вв. (С. Полоцкий, А. Сумароков, В. Тредиаковский и др.) [2]. Однако стихотворная молитва возникает не на пустом месте, генетически она восходит к достаточно жесткому канону – молитве религиозной, используемой в богослужбных целях. Вместе с тем, опираясь на религиозный канон и заимствуя от него содержание, состояние субъекта, адресацию, поэтические приемы, стихотворная молитва преодолевает этот канон, отталкиваясь от него за счет «редукции составляющих молитвенного дискурса, отхода от традиционности обращения и просьб к Божеству» [2], вследствие чего возникают новые «модификационные структуры» [3: 89].

Поэтическая молитва, по мнению О. Переваловой, характеризуется «наличием определенной структуры (трехчастность, синтаксические параллели, анафоры), диалогичностью (усиленная позиция лирического субъекта, наделенного «христианским лиризмом», обращенность к Божественному сверхадресату), устойчивым мотивно-

тематическим комплексом и клишированными формами обращения и просьбы» [7: 348].

Структура поэтической молитвы, в отличие от жесткого ритуального канона, вариативна. В зависимости от установки автора, трехчастность композиции иногда может нарушаться: один или несколько элементов могут быть либо видоизменены, либо отсутствовать вовсе. Чаще всего это происходит с молитвенной концовкой. Диалогичность стихотворной молитвы также имеет свою специфику. В поэтической молитве наблюдается значительное усиление «самости», эгоцентризма лирического субъекта. Индивидуальное лирическое переживание в молитвенном тексте начинает играть первостепенную роль, что в ритуальном каноне, постулирующем соборность, недопустимо. Композиционная структура стихотворной молитвы также претерпевает изменения. Особое значение приобретают пространственно-временные рамки и душевное состояние лирического субъекта, что дает возможность автору включать в текст молитвы либо элементы описательного характера, либо своеобразные «лирические отступления» исповедального или медитативного тона, касающихся глубоко личностных переживаний героя.

На основе исследований, посвященных специфике жанра стихотворной молитвы (Афанасьева Э., Перевалова О. и др.), мы можем сделать вывод, что текст поэтической молитвы является своего рода художественной рефлексией по поводу какого-либо ритуального первоисточника, на который она изначально ориентирована. Текст молитвы может быть представлен как переложение, подражание или индивидуально-авторское молитвотворчество. Таким образом, при исследовании стихотворной молитвы в рамках творческого наследия конкретного автора центральным становится вопрос авторской интерпретации канона, которая актуализирует эстетический, философский, духовный аспекты мировоззрения автора.

Молитвенное слово у Л. Губанова чаще всего связано с проблемой творчества. Именно поэтому все стихотворения Л. Губанова, имеющие в своем содержании молитвенную проблематику, связаны с темой творчества как духовного возрождения. В понимании поэта творческий процесс – это единственно возможная форма духовного бытия.

В целом в лирике Л. Губанова можно выделить две группы стихотворений, включающих в себя молитвенное слово: 1 группа – собственно поэтические молитвы, 2 группа – стихи о молитве.

Первая группа наиболее близка к жанровому канону. В архитектонике стихотворений этой группы содержатся основные конструирующие элементы жанра: диалогическая завязка (обращение к Богу или его эстетической замене) и императивная часть [1: 153]. Например: «Сохрани и помилуй мя, Боже! / Сокруши сатану в моем сердце. / Неужели удел мне положен / там, у печки, с антихристом греться? / Сохрани и помилуй мя, Дева / и Пречистая Богоматерь! / Пока губится брненное тело, / пусть души моей смерть не захватит...» («Задыхаюсь рыдающим небом») [6]; «Прошу, спаси меня, Создатель / От суеты любых систем...» («Я сам изгой, но не предатель...») [4: 293].

Структурообразующие составляющие, определяемые Э.М. Афанасьевой как «организационные моменты молитвенной архитектоники» [1: 153], не утрачивая связь с традицией, в текстах Л. Губанова получают новое смысловое наполнение. Конструирующие особенности молитвенного слова в стихотворениях Л. Губанова сохраняют свою сущностную значимость, вызывая у читателя состояние припоминания известной ситуации молитвенного переживания. Однако художественная установка автора придает сакральному диалогу определенную специфику. Для лирического героя стихотворных молитв Л. Губанова свойственно стремление познать мир, разобраться в сложных явлениях окружающей реальности и в самом себе, ответить на какие-либо вопросы. Подобные устремления характерны для молитвы-поиска [3: 89]. Поиски лирического героя стихотворений Л. Губанова неизменно связаны с размышлениями о предназначении поэта: «Господи, пореши / слезы с души нашей, / мягкие карандаши / в беленькой спят рубашке...» [5]; «Боже! Спаси и помилуй меня, / Не от решительного момента, / Не от холодного, зоркого дня – / От комплемента!» [4, с. 311]. Таковы также стихотворения «Ворота – это ворковать, возвратиться...» [5]; «О, Матерь Божия, помолись за здоровье Михаила...» [4: 296]; «Задыхаюсь рыдающим небом» [6]; «Распятие с эмалью (В. Пятницкому)»; «Над зареванной сосной...» [5]; «Я сам изгой, но не предатель...» [4: 293].

Хотя теургическое понимание творчества было свойственно многим поэтам, у Л. Губанова можно выделить специфическую черту. Моделируя собственное молитвенное обращение к божественному Абсолюту, Л. Губанов делает акцент на творческом начале Божества, постулирует понятие Бога именно как Бога-творца («Ворота – это ворковать, возвратиться...» [5]; «Задыхаюсь рыдающим небом» [6]; «Распятие с эмалью (В. Пятницкому)» [5]. Именно эта грань

божественной сути наиболее важна для поэта. Поэтому в текстах Л. Губанова часто встречается замена понятия Бога другими сакральными объектами или субъектами, которые в лирике поэта символизируют творчество: «Молитва» («Моя звезда, не тай, не тай...» [4, с. 297]); «Чаевые чайной розы» [4, с. 319]; «Памяти А. Полежаева» [6]. Эти замены (Муза, Звезда, Прошлое и др.), являясь объектами постоянной авторской рефлексии, связаны с одним из доминантных мотивов лирики поэта – мотивом творчества. Причем подобную замену можно проследить в пределах даже одного стихотворения. Например, в стихотворениях «Задыхаюсь рыдающим небом» [6]; «Боже! Спаси и помилуй меня...» [4: 311].

В понимании поэта творческий процесс – это то, чем оправдывается жизнь человека перед Богом («Когда идти на Страшный Суд, / Стихи с растерзанными лицами / Предсмертный крик мой отнесут!» [4: 314]). Поэтому среди молитвенных текстов Л. Губанова особый интерес вызывает немногочисленная группа стихотворений, которые можно назвать стихами о молитве («Музе» («Ах! На душе моей неважно...»); «Накануне»; «Бандероль священной любимому»; «На поседевший монастырь...»).

Последнее стихотворение особенно интересно. С точки зрения ритуального канона стихотворение не является молитвой в прямом смысле. Жанрообразующие элементы присутствуют косвенно, через описание процесса молитвы: «Иду молиться на пустырь / И жду Единственного Слова <...> И вот, ломая ваш репей, / И наступая на крапиву, / Молю я Бога – не убей / Мою таинственную силу. / Молю я Бога по ночам, / Когда справляют полдник совы / И пот струится по плечам – / Но я не слышу это слово...» [4: 308]. Стихотворение интересно еще тем, что в нем композиционно воспроизводится ситуация, известная в ритуальной практике как уединенная молитва перед действием, требующим духовного напряжения. Так пророки уходили в пустыню для молитвы и возвращались проповедовать после какого-либо посланного им знамения свыше, или иконописцы практиковали долгую молитву и пост в уединении перед написанием иконы и приступали к работе после получения благословения. Лирический герой также получает благословение: «Услышу слово: «Не убит» – / и как рукою снимет горе... <...> И снова ветреный сонет, / Холодный свет звезды послушной, / И сладость всех безумных лет, / И Бог с улыбкой простодушной...» [4, с. 309]. Эллиптические конструкции усиливают впечатление взволнованности лирического

героя, подчеркивают важность этого своеобразного духовного катарсиса для него.

Однако мы помним, что лирический герой – поэт. Для него процесс творения важен как акт самореализации в мире, но одновременно с этим в процессе творения для лирического героя заключена сама возможность служения Богу. Через молитву высшим силам лирический герой получает возможность выполнить свое предназначение и тем самым осуществить служение Богу. Подобная двуплановость стихотворения иллюстрирует авторское понимание сути творчества: в процессе творения человек приобретает тот духовный опыт, которым оправдывается его земное существование.

Таким образом, анализ авторской самостоятельности в осмыслении и освоении ритуального канона позволяет глубже проникнуть в суть творчества автора. Содержание молитвенных текстов Л. Губанова опирается на размышления об онтологической сущности творчества и характерного для этой проблемы круга вопросов: предназначение поэта, поэт и слава, жизнь и духовная смерть. Подобные размышления свойственны также и философской элегии, на почве которой Л. Губанов специфически реализует свой индивидуальный религиозно-художественный опыт. Отличительной чертой губановских молитвенных текстов также можно определить тяготение поэта к слиянию жанра поэтической молитвы с элементами исповеди, для которой характерен анализ личного, внутреннего бытия, а также с элементами думы, где главенствуют размышления о людях и жизни. Лирический герой молитвенных текстов Л. Губанова через религиозное переживание стремится выразить удивительное состояние сотворчества с Богом, своей сопричастности к созданию сакрального Слова. В композиционном плане это выражается глубоким взаимопроникновением лирического монолога (исповедального или медитативного характера) и повествовательных элементов (сюжетного или описательного плана).

Обозначив наиболее важные грани молитвенной лирики Л. Губанова, мы можем говорить о творческом освоении автором различных семантических и коммуникативных возможностей данного жанра. Включая в структуру иных жанровых образований (философской элегии, думы, лирической исповеди и др.) элементы молитвотворчества, Л. Губанов создал собственную модель эстетического переживания ситуации богообщения, в которой поэт актуализирует свои духовные поиски. В контексте поэтической системы Л. Губанова подобный синтез жанровых образований

значительно расширяет диапазон лирического переживания в лирике поэта, тем самым определяя идейно-художественное богатство его творчества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьева, Э.М. "Молитва" в русской лирике XIX в.: логика жанровой эволюции: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Э. М. Афанасьева. – Томск: Томский государственный педагогический университет, 2000. – 253 с.

Губанов, Л.Г. Стихи. // Живое слово: сб. стихотворений / сост. и вступ. ст. Сергея Мнацаканяна. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 269-326.

Губанов, Л. Стихи. //Л. Губанов [Электрон. ресурс] – Режим доступа: www.bards.ru/archives/author.php. – Дата доступа: 10.07.12.

Губанов, Л.Г. Стихи. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.bdn-steiner.ru/modules.php – Дата доступа: 20.05.06.

Зырянов, О.В. Логика жанровых номинаций в поэзии нового времени // Новый филологический вестник. – Выпуск 1. – Т. 16. – 2011. – [Электрон. ресурс] – Режим доступа: cyberleninka.ru/article/n/logika-zhanrovuyh-nominatsiy-v-poezii-novogo-vremeni Дата доступа: 10.01.15.

Инишкова, Ю.Г. Литургические жанры в поэзии серебряного века // Жанрологический сборник. – Выпуск 1. – Елец: ЕГУ имени И.А. Бунина, 2004. – С.89-94.

Первалова, О.А. Жанр молитвы в творчестве Елизаветы Гадмер // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 6: Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть / Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2011. – 476 с. – С. 347-373.

Статья рекомендована к.ф.н., доц. С.С. Яницкой